

Озорник — эпизод 3 из 8

Пишете, что людям плохо жить на свете, и потому ни, я вам скажу, все это пишете, что ничего больше делать не умеете. Вот и все... И потому под носом у себя вы никаких зверств не видите, а про турецкие зверства очень хорошо рассказываете. Разве это не пустяки статьи-то ваши? Давно уж мне хотелось, стыда вашего ради, истинные слова в ваши статьи вклеить. И не так бы еще надо.

Гвоздев гордо выпятил грудь, высоко поднял голову и, не скрывая своего торжества, в упор смотрел на редактора. А редактор плотно прижался к столу, вцепившись в него руками, откинулся назад и то бледнел, то краснел и все улыбался презрительно, смущенно и болезненно. Широко открытые глаза его часто моргали.

Социалист? с боязнью и интересом спросил издатель, вполголоса обращаясь к редактору. Тот улыбнулся, но ничего не ответил, склонив голову.

Метранпаж ушел к окну, где стояла кадка с филодендроном, бросавшая на пол комнаты теневой узор, стал за кадку и смотрел оттуда на всех маленькими черными и подвижными, как у мыши, глазами. В них было какое-то нетерпеливое ожидание и порой вспыхивал радостный огонек. Издатель смотрел на редактора. Тот почувствовал это, поднял голову и с беспокойным блеском в глазах, с нервной дрожью в лице крикнул вслед уходившему Гвоздеву:

Позвольте... постойте! Вы оскорбили меня. Но вы не вправе... я надеюсь, вы это чувствуете? Я благодарен вам за... в-вашу... прямо, с которой вы высказались, но, повторяю...

Он хотел говорить с иронией, но вместо иронии в словах его звучало что-то бледное и фальшивое, и он сделал паузу, желая настроить себя к отпору, достойному и его и этого судьи, о праве которого судить его, редактора, он никогда еще не думал.

Известно! качнул головой Гвоздев. Тот только и прав, кто много сказать может.

И, стоя в дверях, он оглянулся вокруг себя с таким выражением на лице, которое ясно показывало его нетерпеливое желание уйти отсюда.

Нет, позвольте! повышая тон и поднимая руку вверх, заявил редактор. Вы выдвинули против меня обвинение, а раньше этого самовольно наказали меня за мою якобы вину пред вами... Я имею право защищаться, и я прошу вас слушать.

Да вам какое до меня дело? Вы перед издателем защищайтесь, коли нужно. А

со мной-то о чем говорить? Обидел я вас, так к мировому тащите. А то защищаться! Он круто поворотился и, заложив руки за спину, пошел. На ногах у него были тяжелые сапоги с большими каблуками, он громко стучал ими, и шаги его гулко раздавались в большой, сараеобразной комнате редакции.

Вот так история с географией! воскликнул издатель, когда Гвоздев захлопнул за собою дверь.

Василий Иванович, я тут ни при чем, в этом деле... заговорил метранпаж, виновато разводя руками, и осторожными коротенькими шагами подошел к издателю. Я верстаю набор и никак не могу знать, что мне дежурный сунет. Я-с целую ночь на ногах... нахожусь здесь, а дома у меня жена хворает, дети без присмотра... трое... Я, можно сказать, кровью истекаю за тридцать рублей в месяц-то... А Федору Павловичу, когда они нанимали Гвоздева, я говорил: Федор Павлович, говорю, я Николку с мальчишек знаю и должен вам сказать, что Николка озорник и вор, без совести человек. Его уже у мирового судили, говорю, сидел в тюрьме даже...

За что сидел? задумчиво спросил редактор, не глядя на рассказчика.

За голубей-с... то есть не за голубей, а за взломы замков. В семи голубятнях сломал замки в одну ночь-с... и все охоты выпустил на волю всю птицу разогнал-с! И у меня тоже пара смурых, один турман с игрой да скобарь так и пропали. Очень ценные птицы.

Украл? любопытно осведомился издатель.

Нет, этим не балуется. Судился и за воровство, да оправдали. Так он озорник... Распустил птицу и рад, надсмехается над нами, охотниками... Били уж его не однажды. Раз после битья в больнице даже лежал... А вышел у кумы моей в печи чертей развел.

Чертей? изумился издатель.

Чушь какая! пожал плечами редактор, наморщив лоб, и, снова кусая губы, задумался.

Это совершенная истина, только сказал не так, сконфузился метранпаж. Он, видите, печник, Николка-то. Он на все руки: по литографской части смекает, гравер, водопроводчиком был тоже... Так вот кума у нее свой дом, она из духовного звания и наняла его печь переложить.